

ФИЛОЛОГИЯ

Е. В. Агуреева

*кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры литературы
Кемеровский государственный университет культуры и искусств*

ЯЗЫКОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ГЕОМЕТРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ЗАЩИТА ЛУЖИНА»

В изучении индивидуальной творческой манеры писателя важными становятся типы смыслового развертывания текстовой категории «пространство», специфика смысловой структуры пространственных образов и анализ наиболее часто используемых в моделировании пространства лексических единиц и актуализируемых ими смыслов.

Сложность описания универсальной текстовой категории «пространство» заключается в том, что в художественном тексте нередко происходит совмещение пространственных координат с временными, характеристики пространства оказываются значимыми в понимании внутреннего мира героя и зачастую определяются им, а также тем, что пространственные лексемы наряду с собственно пространственной семантикой выражают и непространственные смыслы.

В ядро лексико-семантического поля «пространство» входят:

- субстантивная лексика с семой пространства (пространство, дом, комната, улица, сад, равнина и т. д.);
- предлоги пространственного значения (под, над, за, в и т. п.);
- глагольная лексика со значением местонахождения в пространстве, бытия, движения (находиться, жить, идти, бежать и т. д.);
- адвербиальная лексика (тут/здесь, там, вверх/наверх, вниз, вправо/справа/направо, влево/слева/налево и т. д.).

Периферию данного поля составляют:

- лексемы, указывающие на геометрическую форму пространства и предметов, его заполняющих;
- непространственные лексические единицы, которые выражают пространственные значения в контексте.

Для многих романов В. Набокова характерна актуализация именно периферийной лексики в моделировании пространственных образов.

Данная статья посвящена геометрическому пространству, значимую роль в моделировании которого играют лексемы, содержащие в своем лексическом значении сему «круга» и «квадрата», а также называющие предметы и явления такой формы.

Во всех словарях символов геометрическим фигурам уделяется большое внимание. По данным мифологического словаря, геометрические символы – это класс мифопоэтических знаков, по форме идентичных геометрическим элементам и широко использующихся в сфере мифологической и религиозной, а равно и более поздней символике и эмблематике.

Противопоставление круг – квадрат наиболее распространено во многих культурах. Основные значения символа круга – совершенство, связь с божественным началом, гармония, бесконечность. Значения геометрической фигуры квадрат – материальное, земное начало, единообразие, порядок, пропорциональность.

Во многих художественных произведениях на первый план может выступить какое-то из свойств пространства. В «Защите Лужина» В. Набоков обыгрывает геометризацию пространства, которая в моделировании пространственных образов данного романа выходит на первый план.

В данном романе пространство, организованное по кругу, противопоставляется «квадратному» пространству. «Круглое» пространство на языковом уровне формируется лексемами с корнем «-круг / круж-» и их дериватами, а также опосредованными номинациями: лексемами, называющими предметы и явления круглой формы.

Дмитровская М. А., сравнивая семантику наречий и предлогов «вокруг», «кругом» с предлогом «среди», обнаруживает следующее отличие: лексемы «вокруг» и «кругом» больше ориентированы на внешнее пространство, чем на точку отсчета, хотя она присутствует. Пространство при этом имеет «круговой», объемный характер, что подчеркивается и внутренней формой рассматриваемых слов [6, с.73].

В большинстве романов В. Набокова актуализируется и еще одна сторона данных лексем: «вокруг», «кругом», которые, в отличие от предлога «среди», определяют местоположение героя в некоей отдаленности от внешнего мира, главный герой, таким образом, отделен от окружающего его пространства и даже отчасти существует сам по себе, независимо от происходящего вокруг. Предлог же «среди», который не случайно не встречается в текстах В. Набокова, предполагает частичную или полную слитость героя со всеми другими персонажами и внешним пространством. Герои В. Набокова – нестандартные личности, живущие в своем особом пространстве.

В «Защите Лужина» актуализируются положительные характеристики пространства, организованного по кругу, хотя уже в этом романе оценка пространства, организованного по кругу, не статична. При описании детского пространства лексема «круг» включает в себя, благодаря контекстному окружению, положительную оценку. Данная оценка сохраняется до увлечения Лужина шахматами.

При моделировании пространственного мира, окружающего маленького Лужина, абсолютно преобладают лексема «круг» и ее дериваты: «круглый», «кругом», «вокруг», «окружить»; а также лексемы, называющие предметы такой формы: «солнце», «колесо», «кольцо», «арка» и т. п.

Детский мир героя составляют точечные пространства улицы, леса, комнаты, чердака:

- *«Ежедневная утренняя прогулка с французенкой, – всегда по одним и тем же улицам, по Невскому и кругом, через набережную, домой ... Счастливая прогулка».* Здесь встречается дериват от лексемы круг – «кругом». Кругом – ‘вокруг кого-чего-нибудь, огибая кого-что-нибудь’ [8, с. 312]. Причем это круговое постоянное и стабильное движение в пространстве подчеркивается следующим словоупотреблением: *«ежедневная»* и *«всегда по одним и тем же улицам»*, и оценка этого героем: *«счастливая прогулка»* – эмоционально положительная. Но наряду с этим формируется и другой признак пространства – его замкнутость.

- *«Тропинка, минут десять поюлив в лесу, спустилась к реке, которая была сплошь в кольцах от дождя...»* Кольцо – ‘то, что имеет форму окружности, обода’ [8, с. 291].

Домашнее внутреннее пространство, а именно описание комнаты героя, также организовано по кругу: *«... там обои были белые ... гусь шел на щенка и опять то же самое, тридцать восемь раз вокруг всей комнаты...»* (хотя комната имеет форму четырехугольника, но благодаря лексеме «вокруг» складывается ощущение того, что комната круглая) и далее *«... На этажерке стоял глобус ... Хорошая была комната, светлая. Веселые обои, веселые вещи... были и книги... Филеас, манекен в цилиндре...»*. Глобус – ‘вращающаяся модель земного шара или другого сферического небесного тела’. Цилиндр – ‘высокая твердая шляпа такой формы с небольшими полями’ [8, с. 133, 907]. Все перечисленные лексические единицы обладают положительной семантикой, что доказывается эмоцио-

нальной положительной оценкой Лужиным детского континуума, а именно атрибутивной лексикой: «хороший», «веселый», «счастливый».

Маленький Лужин существует в своем особом пространстве, все же остальное (даже его родители) находится отчасти в другой плоскости: «они ходили **вокруг** него, с опаской суживая **круги**». Этот же контекст показывает местоположение героя в своем домашнем пространстве – это положение в центре.

Основные лексические оппозиции, которые окончательно оформятся при моделировании пространства взрослого мира, заявлены уже в детстве героя: «На время он нашел мнимое успокоение в складных картинках... состоявшие из больших кусков, вырезанных по краю **круглыми** зубцами... кусочки всех очертаний, от **простого кружка** (часть будущего голубого неба) до самых **затейливых** форм, **богатых углами**, по которым никак нельзя было разобрать, куда они приладутся...». «Простой кружок» – «затейливые формы, богатые углами».

Простой – ‘не сложный, не трудный, легко доступный пониманию, осуществлению’. Затейливый – ‘причудливый, замысловатый’ [8, с. 641, 226].

В данном случае «простой кружок» включает положительную оценку, простой как гармоничный (тем более легко становится частью неба, целого: «и голубой кружок **ладно** входил в небосвод»). Уменьшительно-ласкательный суффикс -ок- придает положительную коннотацию слову. «Затейливые» – наоборот, что-то сложное, трудно из этих форм сделать целое, достичь гармонии. Но в то же время «затейливый» – это еще и интересный. Для взрослого Лужина данная характеристика будет становиться все более значимой, а простое «круглое» пространство потеряет свою привлекательность.

Несмотря на единичную встречаемость лексем, называющих предметы квадратной формы, символ круга доминирует в описании детского пространства и связан с гармоничностью этого периода, что подтверждается атрибутивной и предикатной лексикой («простой кружок», «голубой кружок ладно входил в небосвод» и т. д.).

«Квадратное пространство» создается лексемами с корнем «-квадрат-», а также синонимичными им субстантивами «куб», «параллелограмм» и лексемами, называющими предметы такой формы.

В «Защите Лужина» по мере взросления главного героя предметы круглой формы вытесняются предметами квадратной формы. Среди контекстов, описывающих пространство взрослого Лужина, можно выделить:

- 1) контексты, включающие лексемы с семантикой квадрата;
- 2) контексты, где лексемы, обозначающие круглые и квадратные предметы, сосуществуют, но изменения, которые произошли с кругом, говорят о вытеснении его квадратом.

Уже в маленьком Лужине заложена тяга к «квадратному» пространству. Во многих контекстах местоположение героя связано с его стремлением находиться в углу:

- «...[Лужин] сел в **угол**...»;

- «в самом темном и **миштом углу** маленький Лужин зарыл ящик с отцовскими шахматами».

При этом рядом с лексемой «угол» всегда стоит прилагательное с отрицательной коннотацией: «темный», «миштый» или «угол, где было темно», вызывающей негативные ассоциации.

В моделировании пространства взрослой жизни героя наиболее частотными являются контексты, в которых преобладают лексические единицы, обозначающие предметы квадратной формы. По мере взросления Лужина и возрастания его интереса к шахматной игре все пространство, которое его окружает, наполняется вещами, имеющими квадратную форму:

- «Аллея была вся **пятнистая** от солнца, и эти пятна принимали, если прищуриться, вид ровных, светлых и темных **квадратов**»;

- «Каменные столбы с урнами, стоящими на **четырёх углах** садовой площадки...».

Придаточное условия в первом контексте говорит о неполной смене круга на квадрат, т. е. «квадратное» пространство не вполне реальное. И оно не связано напрямую с шахматным миром, но шахматные категории и представления уже начинают влиять на реальное пространство, преобразовывать его. В этом же контексте дополняется оппозиция, заявленная при создании детского мира (простой кружок – затейливые формы), образуется антонимическая пара «*простой кружок*» – «*сложные узоры*», указывающая на противопоставленность круглого и квадратного пространств.

Сам герой начинает воспринимать шахматный мир как живой, настоящий, наделенный силой: «...но отчетливо чувствовал, что тот или другой воображаемый **квадрат** занят определенной сосредоточенной силой, и все **шахматное поле** трепетало от напряжения».

Реальное пространство меняется в соответствии с интересом Лужина к шахматной игре, пространство заполняется вещами квадратной формы:

- «...на стене аппарат с **квадратными** оконцами»;

- «Тогда никаких конфет», – быстро сказала она и взяла **квадратный** пакет под мышку» – определение акцентирует внимание именно на квадратной форме окон, пакета;

- «...старательно срисовывал белый **куб** (Лужин)»;

- «...жизнь с поспешным шелестом проходила мимо, и, вдруг, остановка – заветный **квадрат**» – сам субстантив указывает на квадратную форму предмета. Меняется оценка четырехугольного пространства и предметов на положительную.

Апофеозом смены отношения к квадрату является словосочетание «*великая доска*». Великий – ‘превосходящий общий уровень, обычную меру, значение, выдающийся’ [8, с. 71]. Шахматный мир противостоит миру обыденности, шахматы становятся смыслом жизни, самым важным для героя.

Так же, как и в описании детского пространства, при описании взрослого пространства значимую роль играют контексты, в пределах которых лексемы с семантикой круга и квадрата сосуществуют, но не являются равноценными. В этих фрагментах меняется роль солнца:

- «Аллея была вся пятнистая от солнца, и эти пятна принимали вид... **квадратов**...»

Круг служит тому, чтобы квадрат мог проявиться в пространстве героя;

- «...в молочной мути неба скользит солнце, похожее на луну...»;

- «...небо в одном месте бледно посветлело, и там проплыл плоский, бескровный солнечный диск».

Определения, стоящие рядом, говорят о безжизненности солнца и, следовательно, круга, в противовес полному жизни квадрату. Да и солнце начинает терять свой истинный облик, становится похожим на луну, на место солнца приходит луна: «Лужин... стоял на балкончике своей комнаты, глядел на **луну**, которая дрожа, выпутывалась из черной листвы... Но **луна** вышла из-за угловатых черных веток, – круглая, полновесная **луна**... и, когда ... Лужин... шагнул в свою комнату, там уже лежал на полу огромный **прямоугольник лунного света**...». Во-первых, луна выпутывается из «**угловатых черных веток**». И хотя определения «*круглая*», «*полновесная*» усиливают семантику круга, но одновременно круг переходит в квадрат, так как лунный свет падает на пол прямоугольником. Этот прямоугольник «*огромный*» – качественная характеристика указывает на перевес квадратных форм. Во-вторых, следует отметить определение, которое встречается рядом с лексемой «круг»: «Оса, описав еще один **последний** круг, улетела». Последний – ‘конечный в ряду чего-нибудь’ [8, с. 522]. Предметы круглой формы окончательно уходят из мира, окружающего героя, уступая место квадратным формам. В-третьих, круг не только теряет свою значимость, но даже становится враждебным герою: «*круг шляпы давил виски*». В-четвертых, круг словно теряет свое значение, свою форму, целостность: «...великолепный атлас. Мир сперва показывался как плотный **шар**, туго обтянутый

сеткой долгот и широт, развевался плоско, разрезался на две половины и затем подавался по частям».

Круг теряет свою однозначность, постоянно с чем-то путается, чем-то другим замещается («солнце, похожее на луну» и «очень круглые апельсины, которые все почему-то принимали за томаты»).

В этот период встречается только один контекст, в котором предмет круглой формы вновь обретает свою значимость и вызывает положительные эмоции у героя: «Но Лужин увлекся настоящим русским **калачом** и глаза у него были опять совсем ясные». Такое кратковременное изменение оценки связано с основной идеей произведения: Лужин возвращается в гармоничное «круглое» пространство в момент своей болезни и вынужденного перерыва в шахматных турнирах. Как только герой возвращается к игре, шахматное четырехугольное пространство начинает вновь доминировать в сознании Лужина, а интерес к реальному пространству и его реалиям исчезает.

В финале произведения, перед смертью, да и в момент смерти Лужина, все пространство приобретает квадратную форму: «**квадратная** ночь», «вся бездна распалась на бледные и темные **квадраты**». Употребление данных лексем в финальном контексте – это употребление в сильной позиции, следовательно, можно говорить о том, что герой остается в шахматном пространстве, из которого ему не удастся «выпасть». Лексема с корнем – квадрат – становится доминирующей не только по ее частотной встречаемости, но и по значимости в моделировании взрослого пространства героя.

Резюмируя сказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Символ круга доминирует в описании детского пространства и связан с гармоничностью этого периода, что подтверждается атрибутивной и предикатной лексикой («простой кружок», «голубой кружок ладно входил в небосвод» и т. д.)

2. При моделировании пространственного мира, окружающего маленького Лужина, абсолютно преобладает лексема «круг» и ее дериваты: «круглый», «кругом», «вокруг», «окружить»; а также лексем, называющие предметы такой формы: «солнце», «колесо», «кольцо», «арка» и т. п.

3. Все перечисленные лексические единицы обладают положительной семантикой, что доказывается эмоциональной положительной оценкой Лужиным детского континуума, а именно атрибутивной лексикой: «хороший», «веселый», «счастливый».

4. При моделировании пространства взрослой жизни героя лексем, называющие предметы четырехугольной формы, преобладают и, в отличие от первого этапа, несут в восприятии Лужина положительную семантику: «заветный квадрат», «великая доска».

5. Постоянное нагнетание лексемы «квадрат», ее производных, а также слов, обозначающих предметы такой формы, говорит о том, что все пространство приобретает форму шахматной доски, реальность превращается в шахматную игру.

Литература

1. Анастасьев Н. Феномен Вл. Набокова // Иностранная литература. – 1987. – № 5. – С. 210–223.
2. Андреев Н. Сирин // В. Набоков: **Pro et contra**. – СПб., 1996.
3. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильев, Ю. В. Казарин. – Екатеринбург, 2000.
4. Бауэр В. Энциклопедия символов. – М., 1998.
5. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. – М., 1996
6. Дмитровская М. А. Феномен времени: Первоапрельские игровые стратегии в произведениях В. Набокова // Набоковский сборник: Искусство как прием. – Калининград, 2001.
7. Мечковская Н. Б. К характеристике аксиологических потенций слова: концепты «круг», «колесо» и их оценочно-экспрессивные дериваты // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 299–308.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1992.